

Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2026. № 2 (87). С. 215–223.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2026. Vol. 2 (87). P. 215–223.

Научная статья

УДК 327

doi: 10.54398/1818-510X.2026.87.2.019

**СОВРЕМЕННАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ
В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО МИРОПОРЯДКА**

Агапов Алексей Викторович

Пятигорский государственный университет, г. Пятигорск, Россия

Kynalexey@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0005-9503-3183>

Аннотация. Актуальность исследования внешней политики России в Юго-Восточной Азии обусловлена значимостью данного региона в системе современных геополитических отношений, а также повышенной динамикой внешне- и внутривнутриполитических процессов, характерной для него в последние годы. Целью стало определение основных содержательных аспектов современной внешней политики России в Юго-Восточной Азии в условиях формирования нового миропорядка. Источниковой базой послужили официальные документы, заявления политических руководителей стран и международных организаций, материалы средств массовой информации. Методологической основой выступил системный и ситуативный методы анализа, а также цивилизационный подход. Конкретизированы особенности современных трансформационных процессов, связанных с формированием нового миропорядка, а также факторы, влияющие на данный процесс, который имеет значимые региональные проекции. Выделены направления реализации внешней политики России в Юго-Восточной Азии, а также значимые современные условия ее реализации: обострившаяся конкуренция США и Китая (одной из непосредственных ее арен выступает Юго-Восточная Азия), а также факт проведения региональными игроками многовекторной политики. Аргументировано положение о том, что данный регион с высокой долей вероятности станет одним из самых сложных в будущей архитектуре нового миропорядка.

Ключевые слова: АСЕАН, внешняя политика, мировая политика, новый миропорядок, политический процесс, региональный вектор внешней политики, региональное сотрудничество, субъекты мировой политики, суверенитет, Юго-Восточная Азия

Для цитирования: Агапов А. В. Современная внешняя политика России в Юго-Восточной Азии в условиях формирования нового миропорядка // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2026. № 2 (87). С. 215–223. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2026.87.2.019>.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

**CONTEMPORARY RUSSIAN FOREIGN POLICY IN SOUTHEAST ASIA
IN THE CONTEXT OF THE NEW WORLD ORDER FORMATION**

Aleksey V. Agapov

Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

Kynalexey@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0005-9503-3183>

Abstract. The relevance of the study of Russia's foreign policy in Southeast Asia is due to the importance of this region in the system of modern geopolitical relations, as well as the increased dynamics of foreign and domestic political processes characteristic of it in recent years. The purpose of the article is to identify the main substantive aspects of Russia's modern foreign policy in Southeast

Asia in the context of the formation of a new world order. The source base was official documents, statements by political leaders of countries and international organizations, and media materials. The methodological basis was the systematic and situational methods of analysis, as well as the civilizational approach. The author specifies the features of modern transformation processes related to the formation of a new world order, as well as the factors influencing this process, which has significant regional projections. The article highlights the directions of Russia's foreign policy in the Southeast Asian region, specifies significant modern conditions for its implementation: the intensified competition between the United States and China (one of its immediate arenas is Southeast Asia), as well as the fact that regional players are pursuing a multi-vector policy. The article argues that this region is highly likely to become one of the most complex in the future architecture of the new world order.

Keywords: ASEAN, foreign policy, world politics, new world order, political process, regional vector of foreign policy, regional cooperation, subjects of world politics, sovereignty, Southeast Asia

For citation: Agapov A. V. Contemporary Russian Foreign Policy in Southeast Asia in the Context of the New World Order Formation. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2026, no. 2 (87), pp. 215–223. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2026.87.2.019> (In Russ.).

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

Актуальность проблемы разработки и реализации российской внешней политики в Юго-Восточной Азии (далее – ЮВА) обусловлена следующими обстоятельствами; во-первых, в настоящее время Россия осуществляет заявленный «поворот на Восток» в своей внешней политике, и значимым вектором в этом повороте выступает именно регион ЮВА; во-вторых, в этой связи следует отметить его значительный потенциал для развития комплексных межгосударственных отношений; в-третьих, позиции России (и политические и, особенно, экономические) носят во многом ограниченный характер, России только предстоит расширить и закрепить свое присутствие в ЮВА; в-четвертых, именно в ЮВА есть все предпосылки для успешного развития взаимовыгодного сотрудничества, особенно этому способствует процесс формирования нового миропорядка.

Цель исследования заключалась в определении направлений, условий и факторов реализации внешней политики России в регионе ЮВА в условиях формирования нового миропорядка. Новизна исследования состоит в выявлении влияния процесса формирования нового миропорядка на российскую внешнюю политику в ЮВА, который создает новые возможности для российского продвижения и, с другой стороны, усиливает неопределенность ситуации.

В научном дискурсе наличествуют исследования российских и зарубежных авторов, посвященные анализу проблематики формирования нового миропорядка и российской внешней политики в ЮВА. Так, К. В. Бабаев и С. Г. Лузянин исследовали формирование восточноазиатского вектора внешней политики России в период 2014–2024 гг. как проекцию «поворота на восток» российской внешней политики [1], В. В. Бурдейный исследовал идеологические аспекты российской внешней политики в ЮВА [2], В. Н. Панин изучил межгосударственное сотрудничество в современной системе международных отношений [4], Ч. Сунь конкретизировал проблемы и определил перспективы российской внешней политики в ЮВА [6]. А. Джинда оценил современную ситуацию как «окно возможностей» для реализации российской внешней политики в ЮВА [8]. И. Тиан анализировал новые тенденции в практике взаимодействия АСЕАН и России на основе реализации китайской инициативы «Один пояс, один путь» и предположил, что конструктивные российско-китайские отношения создают условия для эффективного продвижения России в ЮВА с использованием

«китайской инфраструктуры», в частности указанного проекта [10]. В то же самое время динамизм политических процессов, а также высокая степень неопределенности ситуации обуславливают необходимость дальнейших исследований по вопросам внешней политики России в ЮВА в контексте формирования нового миропорядка, основные принципы которого получают большие практические проявления.

При подготовке исследования, представленного в настоящей статье, использовался системный (при анализе внешней политики России в регионе ЮВА в целом) и ситуативный (при конкретизации ее локальных проекций в его отдельных странах) подходы. Существенным в методологическом плане также представляется использование цивилизационного подхода при концептуализации особенностей нового формирующегося миропорядка, в основу которого заложены установки именно данного подхода.

Материалом для исследования послужили документы, определяющие основные направления внешней политики РФ в современных геополитических условиях, официальные заявления политических руководителей стран и международных организаций, материалы аналитических, экспертных центров, средств массовой информации.

Основная часть

Процесс формирования нового миропорядка детерминирован рядом факторов и связанными с ними процессами, в которых он проявляется, трансформируя систему политических отношений как на глобальном, так и на региональном уровнях. Важнейшими из данных факторов выступают: изменения в структуре международных политических отношений; смещение точек экономического роста в другие регионы мира; усиление роли новых центров силы в технологическом прогрессе; обострение региональных конфликтов.

Анализ вышеуказанных факторов и их проекции на процесс формирование нового миропорядка позволяет прийти к следующим выводам.

Традиционная система международных отношений, которая сложилась после Второй мировой войны как биполярная и которая трансформировалась после распада СССР в однополярную систему, основанную на доминировании стран Запада во главе с США, претерпевает существенные изменения, свидетельствующие о ее демонтаже. Это проявляется в следующих обстоятельствах: появляются новые центры силы (Китай, Россия, Индия, Бразилия), которые начинают проводить независимую внешнюю политику, что ведет к созданию новых коалиций, а также интенсификации уже существующих форматов взаимодействия, не включенных в прежнюю архитектуру миропорядка. Самыми показательными примерами здесь выступают ШОС, БРИКС. В существенной степени в современной системе международных отношений изменяются и форматы межгосударственного сотрудничества [4, с. 432].

Экономическое развитие всегда выступало в качестве фактора геополитического влияния. Страны всегда стремились обеспечить развитие собственных экономик, развитие инфраструктуры, а также привлечение инвестиций. Инструментами укрепления позиций на международной арене всегда в этом плане выступали экономические союзы (на локальном уровне – торговые соглашения), данные инструменты в современных условиях сохраняют свою актуальность, но теперь они начинают использоваться всеми игроками, а не только ведущими, что и отражает построение многополярного мира, для которого характерна высокая степень вариативности внешнеполитических отношений. В системном плане точками экономического роста уже выступают азиатские страны, в результате чего значение западных стран оказывается существенно сниженным.

Развитие технологий оказывает самое существенное влияние на международные отношения. Цифровые технологии, в том числе технологии искусственного интеллекта, биотехнологии, энергетика меняют характер конкуренции между странами, причем в настоящее время к группе лидирующих стран присоединился Китай,

заметные достижения демонстрирует Индия. В этом направлении Россия предпринимает существенные усилия для обеспечения своего технологического лидерства в отдельных отраслях. Показательным здесь выступает пример с сохранением и развитием производственных компетенций, практической проекцией которого выступает ситуация с микрочипами, когда оказалось, что ни США, ни страны ЕС не способны быстро организовать производство данной стратегической продукции на своей территории.

Обострение региональных конфликтов свидетельствует о том, что конфликты в различных регионах мира увеличиваются в количественном и качественном плане. Их эффективное разрешение, зависящее от сотрудничества влиятельных государств и международных организаций, становится все более сложным.

Эти факторы порождают сложную специфику формируемого нового миропорядка, в котором традиционные отношения и процессы постепенно заменяются новыми формами взаимодействия и конкуренции.

Современное геополитическое значение региона ЮВА связано с его динамично растущим потенциалом, который имеет многоплановый характер. Важным представляется в этой связи и тот факт, что ЮВА является частью Азиатско-Тихоокеанского макрорегиона, который объективно является наиболее значимым в мировом геополитическом пространстве. Современный этап формирования нового миропорядка характеризуется изменениями, которые затрагивают всю систему международных отношений, охватывая в том числе и ЮВА. Геополитические трансформации в данном регионе обусловлены следующими ключевыми факторами: рост регионального значения, который имеет многоплановый характер; изменение баланса сил, влияющих на регион ЮВА; появление новых угроз и вызовов; интенсификация многостороннего взаимодействия.

В целом регион ЮВА и его отдельные страны приобретает все большее значение в системе международных отношений, что обусловлено его географическим положением, экономическими ресурсами, а также продолжающимся экономическим ростом и перспективами его усиления.

В этой связи данный регион находится в фокусе внимания ведущих мировых игроков, таких как Китай, США и Россия. Вместе с тем в последнее время отмечается интенсивное проникновение в регион и других стран, например Австралии. В целом эти процессы самым существенным образом обостряют конкуренцию за влияние в данном регионе. В то же самое время отдельные примеры реализации своей внешней политики ведущими мировыми игроками отражают специфику современного этапа развития ЮВА в контексте формирования нового миропорядка.

Подобным примером выступает саммит АСЕАН, который проходил в конце октября 2025 г. в Малайзии. Данный форум примечателен тем, что его посетил президент США Д. Трамп в преддверии своих переговоров с председателем КНР Си Цзиньпином. Со стороны США имела место попытка переформатировать регион ЮВА, а также проецировать свой внешнеполитический успех на переговоры с Китаем. Ни первая, ни вторая внешнеполитическая цель США достигнуты не были. При этом Китай и АСЕАН в ходе саммита подписали обновленное соглашение о зоне свободной торговли. Особо можно отметить значимое для российской внешней политики развитие отношений с Вьетнамом. Эта страна, с которой у России самые тесные отношения, в последние годы демонстрировала очевидное сближение со странами коллективного Запада, что представляло определенный вызов для внешней политики России. На саммите 2025 г. значимого укрепления отношений США и Вьетнама не произошло, что в целом демонстрирует тенденцию неопределенности и непредсказуемости политических процессов в ЮВА.

Рост экономического потенциала Китая и Индии формирует новый контекст в отношениях между странами региона. Влияние этих крупных стран охватывает

региональную политику, экономику, вопросы безопасности и торговлю. Показательным примером здесь выступает реализация китайского проекта «Один пояс, один путь», который обеспечивает формирование и укрепление региональных экономических связей, а также развитие региональной инфраструктуры, и который, очевидно, обеспечивает политическое и экономическое структурирование региона ЮВА в рамках «китайского проекта».

Вместе с сохранением традиционных проблем для данного региона, в нем актуализируются новые угрозы, требующие интенсификации механизмов сотрудничества, реагирования, а также координации действий стран региона и внерегиональных игроков. Эти новые угрозы носят экономический, политический, а также социальный характер. Ярким примером актуализации данных угроз вступает обострение противостояния Китая и Филиппин за спорные территории, угрозу ремилитаризации Японии и попыток усиления ее регионального влияния. Симптоматичным в этой связи стал пограничный военный конфликт Таиланда и Камбоджи, который достиг апогея летом 2025 г. и был урегулирован при посредничестве Малайзии. Отличительными признаками данного конфликта является следующее: во-первых, он имеет давнюю историю и носит пролонгированный характер (последнее открытое обострение произошло в 2008 г.); во-вторых, его актуализация весной – летом 2025 г. связана с ослаблением международного контроля (ослабление сдерживающего фактора норм международного права, относительная политическая неопределенность в регионе и т. д.); в-третьих, конфликт был успешно урегулирован «местными усилиями», при посредничестве Малайзии – одной из двух ведущих членов АСЕАН.

Интенсификация многостороннего взаимодействия происходит за счет создания и укрепления региональных организаций, например АСЕАН, что обеспечивает улучшение и интенсификацию дипломатических и торговых отношений между странами региона. Это свидетельствует о том, что АСЕАН начинает играть более важную роль в формировании региональной системы экономического сотрудничества и безопасности.

Таким образом, современные геополитические трансформации в регионе ЮВА происходят в тесной взаимосвязи с формирующимся новым миропорядком, который характеризуется усилением роли региональных центров силы, появлением новых угроз и вызовов, а также общим изменением баланса сил в мире между развитыми и развивающимися странами. В данных процессах находит отражение конструирование новой геополитической реальности, которая предполагает применение новых подходов высокого уровня адаптивности и выработку эффективных решений для поддержания стабильности и обеспечения развития данного региона.

В Концепции внешней политики РФ 2023 г. обозначены направления внешней политики в Юго-Восточной Азии (в тексте зафиксированы приоритеты российской внешней политики в регионе АТР, которые, естественно, полностью относятся к рассматриваемому региону), которыми выступают:

- интенсификация сотрудничества в области безопасности, экономики, гуманитарной сферы;
- содействие формированию открытой, многосторонней, равноправной архитектуры безопасности и сотрудничества на внеблоковых началах, развитие Евразийского партнерства;
- поощрение неполитизированного межгосударственного диалога в различных сферах;
- противодействие попыткам ослабления системы АСЕАН в области обеспечения безопасности, основанной на принципах равноправия и консенсуса;
- противодействие попыткам дефрагментации региона по тем или иным признакам и основаниям [3].

Указанные обстоятельства самым непосредственным образом влияют на определение направлений внешней политики России в регионе ЮВА. Такими направлениями выступают: развитие многостороннего сотрудничества; укрепление двусторонних отношений; развитие военно-технического сотрудничества; развитие энергетического сотрудничества; развитие гуманитарного и культурного сотрудничества; противодействие вызовам безопасности; поддержка многополярности.

В этой связи следует отметить, что в настоящее время формируется набор инструментов идеологического характера, который может в существенной степени поддержать процесс укрепления позиций России в ЮВА. В частности, в научном дискурсе начинает звучать необходимость формулирования идеологического основания внешней политики России в данном субрегионе [2, с. 65].

В области развития многостороннего сотрудничества Россия активно участвует в партнерской деятельности со странами АСЕАН, используя такие форматы, как Восточноазиатский саммит (ВАС), Региональный форум АСЕАН по безопасности (АРФ), и другие. В данном случае цель России заключается в повышении и укреплении своей роли в региональных процессах по обеспечению безопасности, а также в региональных экономических процессах (обеспечение развития и сотрудничества). Россия в своей внешнеполитической деятельности рассматривает ЮВА как «окно возможностей», например для проецирования своей внешней политики на весь регион АТР, используя партнерство с АСЕАН [8, с. 160].

В регионе ЮВА для России приоритетными для сотрудничества выступают такие страны, как: Вьетнам, Мьянма, Индонезия, Малайзия, Таиланд [9]. В этом плане она стремится диверсифицировать свои контакты и снизить зависимость от традиционных партнеров. В частности, значимой здесь представляется интенсификация экономического сотрудничества (торговые и инвестиционные проекты) в сферах энергетики, военно-технического сотрудничества, добычи полезных ископаемых, сельского хозяйства. Значимые изменения происходят, например, в сфере взаимного таможенного администрирования [7, с. 168].

Развитие военно-технического сотрудничества является важным направлением региональной внешней политики России. ЮВА традиционно выступает крупным рынком для российского вооружения и военной техники. Россия стремится развивать свое присутствие на данном рынке, предлагая современные образцы техники, а также услуги по ее обслуживанию. Последний саммит АСЕАН 26–28 октября 2025 г. дал для России следующие стратегические результаты в вопросах военно-технического сотрудничества: сближение Вьетнама с западными странами оказалось не столь активным, как предполагалось, что расширяет потенциальные возможности для России. Очевидным стала ориентация Индонезии (как минимум при текущем руководстве) на Китай и Россию, что также для последней создал определенные предпосылки для развития в том числе и военно-технического сотрудничества.

Россия проявляет заинтересованность в реализации энергетических проектов в данном регионе. Из секторов энергетического сектора, являющимися зонами российских интересов, особо следует отметить: добычу нефти и газа, строительство энергетической инфраструктуры, а также непосредственно экспорт российских энергоресурсов. Сотрудничество на энергетическом рынке приобретает еще большее значение в условиях его современного переформатирования [5, с. 80].

Россия и страны ЮВА активно развивают образовательные, научные и культурные обмены, туризм. В целом это свидетельствует о задействовании всего инструментария так называемой «мягкой силы». Очевидно, это способствует укреплению взаимопонимания между странами и их народами.

Достаточно важным для России является сотрудничество со странами региона в сфере борьбы с терроризмом, пиратством, транснациональной преступностью. Отдельно следует выделить участие в урегулировании региональных конфликтов.

Россия в настоящее время является одним из важнейших центров силы многополярного мира, знаковым актором его формирования. В данном регионе мира нет доминирующих стран (конечно, есть очевидные лидеры – Индонезия, Малайзия). В регионе ЮВА это проецируется в предложении альтернативных векторов развития и партнерства, отличных от доминирующего влияния стран коллективного Запада. В этом случае Россия может выступить противовесом их влиянию в регионе.

Также в этой связи следует отметить современные геополитические условия, в которых реализуется внешняя политика России в рассматриваемом регионе:

- Россия действует в регионе в условиях резко обострившейся конкуренции США и Китая;
- региональные игроки также проводят многовекторную политику, стремясь извлечь выгоду из сотрудничества со всеми крупными игроками, включая Россию. Здесь показательным примером является Вьетнам, партнерством с которым ограничивается стратегическое присутствие России в субрегионе, однако оно может в ближайшей перспективе ослабеть ввиду сближения данной страны с другими субъектами, оказывающими воздействие на регион, – США, ЕС, Японией и Индией [6, с. 184]. Вместе с тем динамизм ситуации последнего времени обусловил то обстоятельство, что, судя по итогам последнего саммита АСЕАН, это сближение в определенной степени утратило свою интенсивность.

При этом специфика ситуации в данном регионе заключается в том, что Россия потенциально может использовать партнерство с дружественными странами для продвижения в регионе ЮВА своих собственных интересов. В частности, И. Тиан указывает на возможность использования в этом плане Россией китайской инициативы «Один пояс, один путь» [10, с. 95].

Выводы

В заключение следует отметить, что процесс формирования нового миропорядка существенно трансформирует систему политических отношений как на глобальном, так и на региональном уровнях. Причем вариативность региональной специфики существенно возрастает, что в целом соответствует тенденции регионализации политических процессов, которая в существенной степени стала ответом на доминировавшую последние тридцать лет тенденцию глобализации. Это обстоятельство следует рассматривать, скорее, как возможность для расширения российского присутствия в ЮВА (объем которого остается все еще относительно низким): стремление стран региона проводить более независимую внешнюю политику, отстаивать свой суверенитет (пусть пока и эпизодически) – полностью коррелирует с «российской внешнеполитической повесткой».

Вышеуказанные обстоятельства самым существенным образом влияют и на определение направлений реализации внешней политики России в регионе ЮВА. Такими направлениями выступают: развитие многостороннего сотрудничества; укрепление двусторонних отношений (это представляется принципиально важным с учетом факта разности позиций стран данного региона, занимаемых в отношении России); развитие военно-технического сотрудничества; развитие энергетического сотрудничества; развитие гуманитарного и культурного сотрудничества; противодействие вызовам безопасности; поддержка многополярности.

Также в этой связи следует отметить важные аспекты контекста, в которых реализуется внешняя политика России в рассматриваемом регионе: Россия действует здесь в условиях резко обострившейся конкуренции США и Китая; региональные игроки также проводят многовекторную политику, стремясь извлечь выгоду из сотрудничества со всеми крупными игроками, включая Россию. Данные обстоятельства означают, что формируемый новый миропорядок будет значительно более турбулентным по сравнению с последними тридцатью годами, самым существенным образом возрастет риск вооруженных конфликтов между ведущими государствами

в прямой форме (в опосредованной (прокси) форме он будет иметь постоянные проявления). Это будет обуславливать повышенные требования к качеству внешней политики государства и особенно к ее региональному измерению. С высокой долей вероятности регион ЮВА станет одним из самых сложных в будущей архитектуре нового миропорядка.

Список источников

1. Бабаев, К. В. Поворот на восток: восточноазиатский вектор России, 2014–2024 / К. В. Бабаев, С. Г. Лузянин. – Москва : РАН, 2024. – 256 с.
2. Бурдейный, В. В. Идеологические аспекты внешней политики России в Юго-Восточной Азии / В. В. Бурдейный // Социально-политические науки. – 2024. – Т. 14, № 3. – С. 65–70. – doi: 10.33693/2223-0092-2024-14-3-65-70.
3. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 31 марта 2023 г.). – URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 23.09.2025).
4. Панин, В. Н. Межгосударственное сотрудничество в современной системе международных отношений / В. Н. Панин // Политическая наука в меняющемся мире: новые практики и теоретический поиск. – Москва : Российский ун-т дружбы народов, 2023. – С. 432–433.
5. Соловьева, Е. А. Сценарии развития мирового энергетического рынка и перспективы ТЭК России / Е. А. Соловьева // Университетские чтения – 2019. – Пятигорск : Пятигорский гос. ун-т, 2019. – С. 79–85.
6. Сунь, Ч. Внешняя политика России в Юго-Восточной Азии: актуальные проблемы и перспективы / Ч. Сунь // Культура мира. – 2024. – Т. 12, № 38 (3). – С. 182–188.
7. Чекменев, Д. С. Современные особенности системы оценки результативности деятельности таможенных органов / Д. С. Чекменев // Университетские чтения – 2018. – Пятигорск : Пятигорский гос. ун-т, 2018. – С. 167–171.
8. Jinda, A. Russian Foreign Policy: A Window of Opportunity in Southeast Asia / A. Jinda // Advances in Social Science, Education and Humanities Research. – 2017. – Vol. 84. – P. 158–165. – doi: 10.2991/iconeg-16.2017.38.
9. Russia's Policy Towards World Majority. Moscow, 2023. – URL: <https://www.mid.ru/upload/medialibrary/c98/cjmfdf73760bme0y99zqlj51zzllrvs> (дата обращения: 09.10.2025).
10. Tian, Y. Exploring the New Trends in ASEAN-Russia Cooperation under the Background of The Belt and Road Initiative / Y. Tian // Advances in Economics Management and Political Sciences. – 2025. – Vol. 169 (1). – P. 94–99. – doi: 10.54254/2754-1169/2025.MUR22674.

References

1. Babayev, K. V., Luzyanin S. G. *Povorot na vostok: vostochnoaziatskiy vektor Rossii, 2014–2024* [Turning to the East: Russia's East Asian Vector, 2014–2024]. Moscow: RAS; 2024, 256 p.
2. Burdeynyy, V. V. Ideologicheskiye aspekty vneshney politiki Rossii v Yugo-Vostochnoy Azii [Ideological aspects of Russia's Foreign policy in Southeast Asia]. *Sotsialno-politicheskie nauki* [Socio-political Sciences]. 2024, vol. 14, no. 3, pp. 65–70, doi: 10.33693/2223-0092-2024-14-3-65-70.
3. *Kontseptsiya vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii (utverzhdena Prezidentom Rossiyskoy Federatsii V. V. Putinyam 31 marta 2023 g.)* [The Concept of the foreign policy of the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation V. V. Putin on March 31, 2023)]. Available at: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (accessed: 23.09.2025).
4. Panin, V. N. *Mezhgosudarstvennoye sotrudnichestvo v sovremennoy sisteme mezhdunarodnykh otnosheniy* [Interstate cooperation in the modern system of international relations]. *Politicheskaya nauka v menyayushchemsya mire: novyye praktiki i teoreticheskiy poisk* [Political science in a changing world: new practices and theoretical search]. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia; 2023, pp. 432–433.
5. Solovyeva, E. A. *Stsenarii razvitiya mirovogo energeticheskogo rynka i perspektivy TEK Rossii* [Scenarios for the development of the global energy market and prospects for the Russian fuel and energy complex]. *Universitetskiye chteniya 2019* [University Readings 2019]. Pyatigorsk: Pyatigorsk State University; 2019, pp. 79–85.

6. Sun, C. Vneshnyaya politika Rossii v Yugo-Vostochnoy Azii: aktualnye problemy i perspektivy [Russian Foreign Policy in Southeast Asia: current problems and Prospects]. *Kultura Mira* [Culture of World]. 2024, vol. 12, no. 38 (3), pp. 182–188.
7. Chekmenev, D. S. Sovremennyye osobennosti sistemy otsenki rezul'tativnosti deyatel'nosti tamozhennykh organov [Contemporary features of the system for assessing the effectiveness of customs authorities]. *Universitetskiye chteniya 2018* [University Readings 2018]. Pyatigorsk: Pyatigorsk State University; 2018, pp. 167–171.
8. Jinda, A. Russian Foreign Policy: A Window of Opportunity in Southeast Asia. *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. 2017, vol. 84, pp. 158–165, doi: 10.2991/iconeg-16.2017.38.
9. *Russia's Policy Towards World Majority*. Moscow; 2023. Available at: <https://www.mid.ru/upload/medialibrary/c98/cjmfd73760bme0y99zqlj51zzllrvs> (accessed: 09.10.2025).
10. Tian, Y. Exploring the New Trends in ASEAN-Russia Cooperation under the Background of The Belt and Road Initiative. *Advances in Economics Management and Political Sciences*. 2025, vol. 169 (1), pp. 94–99, doi: 10.54254/2754-1169/2025.MUR22674.

Информация об авторе

Аганов А. В. – аспирант.

Information about the author

Agapov A. V. – postgraduate student.

Статья поступила в редакцию 21.11.2025; одобрена после рецензирования 26.02.2026; принята к публикации 31.03.2026.

The article was submitted 21.11.2025; approved after reviewing 26.02.2026; accepted for publication 31.03.2026.